

УДК 94(470+571),,1917/1991”

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА В СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД¹

А. Б. Суслов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
absuslov@gmail.com

Рассматривается проблема вмешательства советского государства в семейную жизнь спецпоселенцев в послевоенный период. Анализируются подходы политического руководства страны и руководителей разных подразделений НКВД – МВД – МГБ к решению вопроса воссоединения семей спецпоселенцев. Раскрывается, каким образом официальное лишение спецпоселенцев свободы передвижения вызывало полуофициальное и неофициальное ограничение прав, в частности, права на семейную жизнь.

Ключевые слова: семейная жизнь, спецпоселенцы, трудармия, репрессии, сталинизм, Пермский край.

Исследование правового статуса разных категорий советского зависимого населения является важным аспектом изучения социальной истории СССР. Особого внимания заслуживает сопоставление официального, провозглашенного *de jure*, и реального, установленного *de facto*, статуса спецпоселенцев, поскольку помогает выявить сущность советского этакратического общества.

Конкретизируя проблему, остановимся на весьма показательном аспекте правового статуса спецпоселенцев – на реализации ими права на семейную жизнь. Использование материалов уральского региона позволяет изучить проблему более конкретно.

Проблема государственного регулирования реализации спецпоселенцами права на семейную жизнь получила освещение в историографии², однако требует дальнейшего углубленного исследования.

Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в. спецпоселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения. Основным правовым документом, определяющим права и обязанности спецпоселенцев было постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», согласно которому спецпереселенцы в местах поселения «пользуются всеми правами граждан СССР», за исключением права свободного выезда за пределы района поселения [История сталинского Гулага..., с.447].

Действительно, по условиям труда, обеспечению жильем и ряду других социальных вопросов спецпоселенцы формально приравнивались к остальным. Дети их учились в общих школах. Спецпоселенцы-коммунисты могли даже оставаться в партии, если их брала на учет местная парторганизация. Однако практически каждый побывавший на спецпоселении в то время скажет, что дискриминация касалась не только свободы передвижения. Режим учета обязывал спецпоселенцев систематически отмечаться в комендатуре. Эта процедура предполагала стояние в очередях и, как свидетельствуют очевидцы, была весьма унижительной. Кроме того, жесткая регламентация отлучек спецпоселенцев с установленного места проживания. Контроль же спецкомендатур маркировал спецпоселенцев как «врагов народа».

Лишение спецпоселенцев свободы передвижения даже нормативно связывалось с отсутствием права на свободный выбор рода занятий и фактическим принуждением к труду. «Все трудоспособные спецпоселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом, – гласило постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. – В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпоселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях» [История сталинского Гулага..., с.447]. Прикрепление спецпоселенцев к месту ограничивало их возможности получения образования и медицинского обслуживания. Кроме того, следует принимать в расчет произвол хозяйственных руководителей и комендантов, ощущавших себя подлинными хозяевами подконтрольного контингента. Н.И.Загороднюк собрала целый ряд свидетельств о произволе комендантов спецпоселков в Северо-Западной Сибири [Загороднюк,

1999]. Так, самодур при исполнении комендантских обязанностей мог не только избить человека, как когда-то барин крепостного, но и, присутствуя на экзаменах в школе, определял, куда пойти учиться молодым людям после школы, разрешал жениться или нет.

Циничное отношение властей к правам спецпоселенцев, которыми они якобы обладали, наглядно демонстрирует подход государственных органов к деятельности по воссоединению семей спецпоселенцев. Нельзя сказать, что государство целенаправленно разрушало спецпоселенческие семьи. Но и особого уважения к семейной жизни политическое руководство не проявляло.

В годы войны и послевоенное время многие спецпоселенческие семьи были разъединены по разным причинам. Большая часть – по причине мобилизации в трудармию, трудовые батальоны и т.п. Во время войны НКВД мобилизовал для работы на промышленных предприятиях и стройках около 400 тыс. трудоспособных мужчин и женщин, преимущественно немцев. Большинство их к моменту мобилизации находилось на спецпоселении. Семьи трудармейцев – нетрудоспособные пожилые люди и дети – остались на спецпоселении³.

В 1945 г. ранее трудмобилизованные в массовом порядке переводятся в статус спецпоселенцев. Мобилизуемых в промышленность (в основном из числа прошедших фильтрацию советских военнопленных и репатриантов) вновь фактически уравнивают в статусе с ними. Так, на основании постановления ГКО от 18 августа 1945 г. на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовки Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна было направлено 360 тыс. военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, прошедших предварительную регистрацию, а также репатрируемых советских граждан, признанных по состоянию здоровья годными к военной службе и подлежащих по закону мобилизации в Красную Армию. Они оказывались «на положении спецпереселенцев» и обязывались отработать на предприятиях шесть лет. В связи с этим в постановлении предписывалось «разрешить НКВД СССР желающим из них выписывать семьи для совместного проживания, оказывая содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на месте»⁴.

ГКО своим постановлением № 9526-с от 18 июля 1945 г. разрешил мобилизованным на работу в угольную промышленность немцам и крымским татарам, за исключением работающих на предприятиях Наркомугля в Московской, Ленинградской, Тульской областях и Украинской ССР, перевозить свои семьи к местам их работы. Руководителям предприятий и учреждений других ведомств, где работали члены семей немцев и крымских татар, которые были мобилизованы в угольную промышленность и которым было разрешено воссоединиться, предписывалось беспрепятственно отпускать их [История сталинского Гулага..., с.470]. Немцы, мобилизованные на предприятия нефтяной промышленности в Ярославской, Рязанской, Вологодской, Куйбышевской и Горьковской областях, тоже получили разрешение перевозить свои семьи к местам своей работы на основе директивы НКВД СССР №4 от 8 января 1946 г.. На работавших в районе Бугуруслана, в трестах Кинельнефть, Востокнефтьстрой и на Ставропольских нефтепромыслах это разрешение не распространялось [История сталинского Гулага..., с.757].

На основании совместных приказов НКВД и Наркомугля (22 ноября 1945 г.), Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности (31 декабря 1945 г.), Наркомстроя (31 декабря 1945 г.), Наркомнефти (5 января 1946 г.) и Наркомчермета (19 января 1946 г.) мобилизованные немцы были переведены в так называемые постоянные кадры промышленности. Большая часть их бралась на учет отделами спецпоселений по месту работы после ликвидации зон, где они содержались в 1942–1945 гг. Им также разрешалось вызывать семьи к месту работы⁵. Переданные в «постоянные кадры промышленности» не могли покинуть установленное место работы согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. об уголовной ответственности за самовольный уход с предприятий и из учреждений. А 26 ноября 1948 г. Президиум Верховного совета СССР издал указ, в соответствии с которым немцы, как и другие народы, депортированные во время Отечественной войны, оставались на спецпоселении навечно.

Наличие упомянутых директив не означало ни автоматической реализации бывшими трудармейцами предоставленной возможности соединиться со своими семьями, ни ограничения административного вмешательства в процесс воссоединения семей. Об этом свидетельствуют предложения начальника отдела спецпоселений НКВД СССР М.В.Кузнецова, представленные 21 февраля 1946 г. заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышову. В служебной записке М.В.Кузнецова, в частности, говорится: «Всех немцев-мужчин старше 55 лет и

женщин старше 45 лет из рабочих колонн демобилизовать и направить их в спецпоселение к своим семьям. Тех, кто не знает местонахождение своих семей, направить в распоряжение УНКВД Новосибирской обл. (г. Новосибирск). Остальным немцам, оставляемым на работе в лагерях и на стройках НКВД, разрешить вызов к себе своих семей. Немок, у которых в местах спецпоселений остались малолетние дети, и немцев, жены которых умерли и их дети остались без надзора, из рабочих колонн демобилизовать и направить их в спецпоселение к своим семьям... Мобилизованным немцам вступление в брак как с мобилизованными в рабочие колонны, так и с вольнонаемными лицами разрешать на общих основаниях со всеми гражданами СССР» [История сталинского Гулага..., с.471–472]. Подобные предложения демонстрируют отсутствие представлений о субъектности спецпоселенцев в административных планах высокопоставленного чекиста, вплоть до уверенности в своем праве разрешать и не разрешать вступление в брак.

Одна из групп спецпоселенцев, высланных в отрыве от семей, составляли включенные в учетную категорию «власовцы». К ней относились не только служившие в РОА, но и все служившие в воинских формированиях немецкой армии, в полиции на оккупированных территориях. Согласно постановлению ГОКО № 9871с от 18 августа 1945 г., Совета Министров СССР № 691-271сс от 29 марта 1946 г. и директивы МВД № 97 от 20 апреля 1946 г. они направлялись на спецпоселение сроком на шесть лет⁶. Последняя директива устанавливала следующее: «по прибытии главы семьи к месту поселения будет разрешен вызов их семей» [История сталинского Гулага..., с.485-487].

Естественно, что оторванные от семей изыскивали любые возможности выехать к своим семьям, которые, как правило, бедствовали без них. Примечательно, что пермские руководители НКВД отмечают этот факт как «недостаток в обслуживании спецпереселенцев» и сетуют на то, что «все без исключения предприятия, в которых они трудоустроены, испытывают острый недостаток жилфонда, в силу чего в недостаточной степени создают условия для вызова их семей, что, в свою очередь, не стимулирует их оседлости в настоящих местах поселения и влечет за собой со стороны спецпереселенцев массовую подачу заявлений во всевозможные органы власти»⁷. Очевидно, что об уважении семейной жизни тысяч людей чекисты даже не задумываются, для них главный негатив – почти открытое проявление недовольства подведомственным контингентом, таящее угрозу подрыва установленного режима.

В государстве, где забота о правах граждан была во многом передана в ведение МВД, карательному ведомству волей-неволей приходилось отстаивать интересы вверенных спецконтингентов, выступая противовесом промышленным ведомствам, безжалостно эксплуатировавшим предоставляемую МВД рабочую силу. Так, в июле 1948 г. министр внутренних дел С.Н.Круглов в письме заместителю Председателя СМ СССР А.Н.Косыгину отверг притязания Министерства целлюлозной и бумажной промышленности, требовавшего оставить на Камском, Соликамском, Ново-Лялинском и Архангельском целлюлозно-бумажных комбинатах 2400 мобилизованных немок⁸. Потребительское отношение ведомства к своим работникам достигло того, что оно рассматривало трудармейцев только как рабочую силу. Ведомство не интересовало то, что члены семей мобилизованных женщин, в основном старики и дети, проживавшие на спецпоселении в других регионах СССР, находились в тяжелом материальном положении, не говоря уже о нравственных страданиях. Конечно, МВД двигало не человеколюбие, а стремление приглушить недовольство немцев, заваливавших министерство сотнями писем, и уменьшить количество побегов, снижавших показатели работы и заставлявших прилагать дополнительные усилия. Поэтому МВД проводило специальные мероприятия по воссоединению семей спецпоселенцев. Получалось, что интересы, казалось бы, антагонистов в данном случае объективно совпадали.

Систематически и массово воссоединением семей МВД начало заниматься только в конце 1940-х гг. МВД СССР выпустило директиву № 33 от 8 марта 1948 г. о соединении разрозненных семей спецпоселенцев. В соответствии с ней органы МВД на местах обязывались не чинить препятствий и оказывать содействие спецпоселенцам, желающим выехать к своим семьям в места спецпоселений других областей, краев и республик [Земсков, с.158]. Однако, как можно судить по констатирующей части приказа МВД СССР № 00920 от 2 августа 1948 г. «О ходе выполнения директивы МВД № 33 от 8 марта 1948 г.», местные органы часто препятствовали воссоединению разрозненных семей и даже не смогли наладить должным образом учет таких семей [История сталинского Гулага..., с.84].

В августе–сентябре 1949 г. была организована первая массовая кампания воссоединения семей согласно директиве МВД № 485 от 29 июля 1949 г., предусматривавшей выделение 10 специальных эшелонов и разработку маршрутов [История сталинского Гулага..., с.84]. Воссоединение семей носило кампанейский характер и продолжалось до ликвидации МВД в 1953 г. В зависимости от директив МВД местные органы то активизировали свои действия в этой области, то ограничили их.

Рассмотрим кампанию по воссоединению семей на примере Молотовской области. Судя по отчету заместителя начальника УМВД области подполковника Иванова от 28 июля 1950 г., в Молотовской области на 1 января 1949 г. проживали 5650 разрозненных семей. За 1949 г. и первую половину 1950 г. в ходе кампании по воссоединению семей были восстановлены 2766 семей (5003 чел.). Большинство из оставшихся 2884 разрозненных семей относились к категории выселенных во время Отечественной войны немцев из числа коренных жителей Урала, Сибири и Средней Азии, мобилизованных для работы в промышленности Молотовской области. Об этих разрозненными семьях говорилось, что они «не соединены по независящим от УМВД причинам». Причина указывалась только одна: многие спецпоселенцы, сознательно относящиеся к своему труду или работающие по принуждению, прошли профессиональную подготовку и приобрели специальности в угольной, лесной или бумажной отраслей. И как указывалось в отчете, «поэтому руководители хозяйственных и партийных организаций в целях сохранения рабочей силы возражают в увольнении с работы». Если занятые на других предприятиях члены семей спецпоселенцев, прошедшие профессиональную подготовку, также успели приобрести дефицитную квалификацию, то попадали в аналогичную ситуацию. «В свою очередь, к значительному количеству выселенцев-спецпоселенцев, желающих вызвать к себе свои семьи из других областей, последние на соединение не присылают, так как органы МВД других областей отказывают в выезде в Молотовскую область также из-за отсутствия согласия администрации хозяйственных органов на увольнение с работы», – поясняется в отчете Иванова⁹. В сущности, он констатирует, что крепостническая практика закрепления спецпоселенцев за предприятиями, крепостническая логика руководителей предприятий, которым требовалось выполнить план любой ценой, имели приоритет по отношению не только к естественному праву человека на семейную жизнь, но и к существовавшим правовым нормам. Хозяйственная целесообразность, таким образом, оказывалась выше декларируемых государством прав спецпоселенцев.

В справке о некоторых правовых вопросах спецпоселенцев от 31 декабря 1952 г. начальник УМГБ по Молотовской области подполковник госбезопасности Д.В. Кремлев определяет как «значительную» часть спецпоселенцев, оторванных от семей, состоящих на учёте поселения УМГБ. Из них «3524 человека спецпоселенцев немцев, завезенных по мобилизации в годы Отечественной войны для работы в промышленности – угольной, лесной и т.д., преимущественно являлись одиночками, семьи у которых проживают и состоят на учёте поселения в других областях», а «497 человек спецпоселенцев из числа "власовцев" ... оставлены на вечное поселение». Кремлев с очевидным неудовольствием констатирует: «В соединении разрозненных семей спецпоселенцам в большинстве случаев отказывается из-за непредставления им расчёта хозорганизациями. Спецпоселенцы, не получившие удовлетворение по заявлению, обращаются по одному и тому же вопросу несколько раз с просьбой воздействовать на руководителей предприятий по представлению им расчёта и соединения с семьей (женой, детьми)»¹⁰.

Нарисовав весьма удручающую картину, Кремлев предлагает принять ряд мер для разрешения проблемы воссоединения семей. Одна из них демонстрирует приоритет охранительных интересов по отношению к хозяйственным и нацелена на пресечение произвола промышленных ведомств и предприятий: «В целях чёткого выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9/11-1951 года о соединении спецпоселенцев, оставленных на вечное поселение с семьями и выполнения директивы МГБ СССР № 423 от 22/12-1950 года по этому вопросу считаем необходимым по линии Совета министров Союза ССР дать указание Министерством о беспрепятственном увольнении с работы соединяемых с семьями спецпоселенцев и предоставлении им расчётов». Другое предложение свидетельствует об убежденности руководителя госбезопасности региона в том, что советское государство обладает правом определять семейную жизнь своих подданных: «Наряду с этим указанием МГБ СССР через МГБ областей, краев и республик выявить количество спецпоселенцев, проживающих разрозненно с семьями, отобрать от них заявления на территории какой об-

ласти, края, республики желает соединиться и провести эту работу в установленные сроки повсеместно. После чего соединение разрозненных семей считать в основном законченным и в дальнейшем соединение производить, как исключение по уважительным причинам»¹¹. Кремлев мыслит в государственном масштабе. Отдельных людей, по каким-то причинам не заявивших о своем желании воссоединить семьи, можно не брать в расчет.

Государственное вмешательство в семейную жизнь спецпоселенцев отмечались не только на официальном уровне. Неофициальные барьеры являлись весьма существенным регулятором общественной жизни. Социальная маркировка спецпереселенца как «врага»: бывшего «кулака», представителя «изменившего родине» народа и т.п., общепринятая в советском обществе в 30-40-е гг., являлась существенным дополнением к реальному правовому статусу депортированных. Она определяла поведение как самих спецпоселенцев, так и соприкасавшихся с ними людей.

В качестве примера приведем свидетельство очевидца. Р.Д.Акопова после депортации из Крыма жила в Перми, где вышла замуж за офицера. Вот что она вспоминает о том, что было дальше: «Через некоторое времени, когда МВД узнало, что я зарегистрировалась с офицером (он тогда был старшим лейтенантом Красной Армии, весь в орденах), меня вызывают к главному коменданту по городу. Я захожу, а он мне: "Ты что, б... будешь поганить ряды Красной Армии?" Я в слезах, открываю сумку, говорю, что мы зарегистрировалась, показываю ему брачное свидетельство. Он его взял, смял и бросил. Я в рев, прихожу домой, а муж мне говорит "Кто он по чину?" – "Младший лейтенант". – И он пошел к нему. ... Бесполезно. Они взялись за его родителей и отца убрали из горсовета (где он работал). Он пишет: "Я не против той армянки, на которой ты женился, но запомни, что у тебя еще есть сестра, которую хоть кто-то должен взять замуж"... Я ему стала говорить: "Варган, уезжай. Ты меня не спасешь в этом государстве". Потом с него сняли погоны, лишили академии. Приехал мой брат, и мы стали его уговаривать. Мой брат говорит: "Ты даже можешь сделать ей хуже. Они ее все-таки добьют, куда-нибудь загонят, куда ты не сможешь поехать, и она там погибнет. Этот брак у вас все равно не удался". Короче говоря, он собирается уезжать, рассчитался, я его провожаю. Слезы и у него, и у меня. Он мне говорит: "Я все равно зайду в Кремль, к кому я там попаду, не знаю, буду проситься на прием к Сталину. – А мы тогда не соображали, что это его рук дело... Варган в Москве куда-то ходил, ему сказали, что это приказ правительства, ничего не изменится. И он поехал домой, оттуда письма мне посылал душераздирающие. Я его все время прошу, умоляю: "Ты мужчина, прекрати мне писать". – А сама жду его письма. Вот такая трагедия...»¹².

Таким образом, официальное лишение спецпоселенцев свободы передвижения имело неизбежным следствием ряд полуофициальных и неофициальных ограничений прав этой категории спецконтингента. Как для политического руководства страны, так и для обслуживавших государственную машину чиновников, личность не представляла никакой ценности, особенно при сопоставлении со своеобразно понимаемым государственным интересом.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», тема 2.1.2.

² Nekrych A. The Punished peoples. The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the end of the Second World War. New York, 1978; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири: в 2 ч. Топчиха, 1995. Ч. 2.; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». М., 1995; Полян П.В. Не по своей воле... М., 2001; Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М., 2003; Зима В.Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С.109-125; Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954). Мурманск, 1996 и др. Автор данной публикации также затрагивал исследуемую проблему в своей монографии: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010. Отдельные материалы монографии использованы в настоящей статье.

³ Подробнее см.: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д.457. Л.194–202.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф.9479. Оп.1. Д. 269. Л.85. (далее – ГА РФ)

⁶ Многие из них на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 октября 1951 года по

национальным признакам были оставлены на вечное поселение.

⁷ ГА РФ. Ф.9479. Оп.1. Д.358. Л.119.

⁸ Там же. Д.373. Л.22.

⁹ Архив Информационного центра ГУВД по Пермскому краю. Ф.18. Оп.1. Д.15. Л.35.

¹⁰ Там же. Ф.21. Оп.1. Д.9. Л.157.

¹¹ Там же. Л.158.

¹² Аудиоколлекция А.М.Калиха.

Библиографический список

Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929–1940 гг.): дис... канд. ист. наук. Тобольск, 1999.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: собр. док. в 7 т. Т.5: Спецпоселенцы в СССР. М., 2004. 824 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.10.2013

THE AUTHORITIES' INTERRUPTION INTO FAMILY LIFE OF SPECIAL EXILES IN THE POSTWAR PERIOD

A.B. Suslov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia
absuslov@gmail.com

The essay analyses the problem of the authorities' interruption into family life of so called special exiles in the postwar period. The approaches of the Soviet leaders and the heads of NKVD structures to the problem of special exiles families' reunion are under investigation. The author shows how the official limitation of freedom of movement led to numerous unofficial limitations of special exiles' rights, particularly their right for family life. The comparison of official status of special exiles and their factual status allows to recognize a cryptic nature of the Soviet totalitarian state. The author demonstrates the gap between formal rights of special exiles and their real discrimination, and pays attention to different unofficial barriers which regulated exiles' life. The author argues that an individual did not have any value for the Soviet political leaders as well as for local officials.

Key words: family life, special exiles, labor army, repressions, Stalinism, Perm region.

References

Zagorodnyuk N.I. Ssylka krest'yan v Severo-Zapadnuyu Sibir' (1929–1940 gg.): dis... kand. ist. nauk. Tobol'sk, 1999.

Zemskov V.N. Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960. M., 2003.

Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh gg.: sobr. dok. v 7 t. T.5: Spetspereselentsy v SSSR. M., 2004. 824 s.